

Евгений СТЕБЛОВ

Взв. клуб - 2000 - 9 июня - 4/5.

ОТ НЕГО Я ОТБИЛСЯ БОРЩОМ

Кино подарило мне драгоценные встречи. Одна из них с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским — на картине “Русь изначальная”. Он играл императора Юстиниана, я — его племянника, Рита Терехова — императрицу. По сюжету Юстиниан, призвав племянника, предложил ему заменить его у власти, мотивируя это пониманием необходимости социальных перемен и собственной усталостью от государственных забот. Племянник — человек по природе тихий — долго отказывался, но все же в конце концов уступил настоячивости Юстиниана. После того как недовольные императором консолидировались вокруг преемника, Юстиниан разгромил оппозицию, а племянника заживо замуровал в крепостной стене.

Смоктуновский когда-то в шестидесятых поразил меня совершенно невиданной до того интонацией, манерой существования в роли. Мы, молодые артисты, прилагали немалые усилия, чтобы не впасть в невольный грех подсознательного искушения подражать его необычному дарованию.

Когда на съемках фильма “Директор” погиб Евгений Урбанский, в старом Доме кино, на улице Воровского, состоялся вечер памяти. Народу собралось видимо-невидимо. Мы с Никитой Михалковым с трудом устроились где-то на балконе. Во время гибели Урбанского камера работала. Ее не выключили. Этот трагический миг я видел еще раньше на “Мосфильме” за монтажным столом. Теперь же на большом экране смерть Урбанского выглядела еще обнаженнее и страшнее, усиленная пафосом публичности. Выступали с воспоминаниями. Многие не запомнилось. Поразил Смоктуновский. Он работал с Урбанским в “Неотправленном письме”. Поразил магнетической способностью превратить даже свое траурное слово в сценическое зрелище, демонстрацию дарования, вовлек в какой-то внутренний процесс,

от которого невозможно было оторваться даже в антракте. Ибо процесс продолжался и в жизни, в кулуарах, в фойе.

Иннокентий Михайлович находился в зените славы. Купался в ней. Женщины млели. Их восторг вдохновлял Смоктуновского. Он парил, он царил, но все видел, все замечал до мелочей. Тогда мы впервые столкнулись взглядами. Его мгновенное лобопытство ко мне походило на обнюхивание зрелым псом подрастающего щенка. И вот через год мы встречаемся с ним в работе. Еще во время павильонных съемок Смоктуновский пытался давать мне советы по поводу моей роли. Я выслушал, но мягко дал понять, что у меня есть свое собственное представление. Он поинтересовался и денежным содержанием моего контракта. Узнав, сделал вывод, что сам, очевидно, проделав, посетовал.

Натуру снимали в Крыму, в Судак. Я прилетел в экспедицию позже. И Смоктуновский и Терехова уже отработали несколько сцен. Идем с Иннокентием Михайловичем по набережной вдоль пляжа. Рита издала приветствует нас рукой. Я помахал ей в ответ.

— Да ну ее! — обиделся Смоктуновский.

— Что такое? — спрашиваю.

— Обложилась книгами про времена Юстиниана, а толку никакого. Одни теории...

Я понял, что отношения с Ритой у него не сложились.

На следующий день снимали в старой крепости. Пока шли технические приготовления, Смоктуновский, Рита и я ожидали в раскладных креслах. Рядом в таком же кресле сидел генерал — военный историк, консультант картины. Личность примечательная. Бритый наголо. Крепкого телосложения. Довольно простое лицо. Про Юстиниана, его личную жизнь, его эпоху знал все, буквально все. Складывалось такое впечатление, будто бы он жил с ним

рядом, в соседнем покое, в прошлом воплощении, если такое можно представить. Генерал, влюбленный в персонажи своего научного исследования, сам, конечно, являл собою человека яркого и неординарного мышления.

К собственному удивлению, мне не нравилось, как строил свою роль Смоктуновский. Он делал из Юстиниана явного злодея. Именно явного. Всячески подчеркивал это внешними приемами. И хотел, чтобы я играл с ним в поддавки.

— Иннокентий Михайлович, возьмите Сталина. Он не выдавал внешним видом агрессивности своих намерений, — возражал я. — “Вот попробуйте меня обмануть, каков я есть в реальности”.

— Так. Ясно. Тут против меня разговор, — отвечал Смоктуновский, выразительно взглянув на Терехову.

Она молчала. Повисла Пауза.

— А как вы считаете? — спросил Смоктуновский генерала.

— Сталин, Юстиниан — выдающиеся исторические личности... А вы выдающиеся артисты... Вот и играйте выдающихся людей, — с дипломатичной иронией парировал генерал.

Смоктуновского ответ генерала не устроил, и он замкнулся на некоторое время, пока не началась съемка.

“Русь изначальная”. “Мотор! Казнь. Дубль номер...” Меня ведут на казнь. За мной идут стражники, придворные, зеваки. Еще несколько минут — и я буду замурован заживо...

— Стоп! — вдруг спасает меня голос Иннокентия Михайловича. — По-моему, массовки маловато... Может, прибавить массовки?

Режиссер прибавляет массовки. Я опять на исходной позиции. Мотор. Опять иду с общего плана на средний и приближаюсь до крупного. Прощаюсь с жизнью. В глазах слезы.

— Стоп! — снова останавливает Смоктуновский. — Может, мой сын Филипп на заднем плане пройдет?

Тут я уже начинаю понимать, что

он мне мешает, выбивает из настроя. Специально или неосознанно? Снова начинаем с исходной. Снова прощаюсь с жизнью и снова слышу Смоктуновского:

— Стоп! Может, мы это завтра снимем?

— Мы снимем это или сейчас, или никогда! — ответил я вслух как бы беззащитно, но определенно.

И мы сняли. Сняли, а потом Иннокентий Михайлович подошел ко мне:

— А вы, Женя, противный какой-то. Прямо вот взял бы сейчас да ударил! — он замаялся на меня.

Я посмотрел на него вялым взглядом.

— Пошутил, пошутил, — захихикал он, опустив руку.

Обедали на турбазе, где жили.

— Да, Женя, трудно с вами, — продолжал Смоктуновский.

— Вы были нашим кумиром, когда мы учились, Иннокентий Михайлович... А трудно, может быть, потому, что мы оба схожи по психофизическому типу. Оба астеники. Так ска-

зать, плюс на плюс. Я ведь тоже порой собой не владею, — стукнул я резко тарелкой об стол.

Красный борщ расплескался по белой скатерти. Я не психанул. Сыграл. Поддействовало потрясюще. Пауза. Длинная пауза. Затем Смоктуновский обнял меня:

— Пойдем пивка попьем?

— Пойдем, — соглашаюсь.

И пошли. И больше не было проблем между нами.

— Женя, вы смотрели “Дочки-матери” Сергея Герасимова?

— Нет, к сожалению, — соврал я, так как картину не принял.

— Жаль, что не видели, — продол-

жал Смоктуновский. — Я там замечательную роль играю, замечательную!..

Расспрашивал его о Товстоногове. Считает ли Георгия Александровича своим учителем? Как репетировали “Идиота”? Он сказал, что Товстоногов ему не учитель, что только дал ему шанс и за это он ему, Товстоногову, благодарен. Благодарен Розе Сироте, которая работала с ним Мышкина. А учителем своим считает Михаила Ильича Ромма. И вот у него он действительно многое взял, работая на “Девяти днях одного года”. И творчески, и человечески почитает его.

У меня осталось драматически-противоречивое ощущение от Смоктуновского. По-женски ревнивый и знающий себе цену, имеющий власть над людьми. Самовлюбленный и неуверенный. Выдающийся лицедейский аппарат и внутренняя растерянность, отсутствие стержня, какого-то

камертона, что ли. Отсюда уход в бытовое юродство, метания, поиски режиссера себе под стать и полное одиночество за неимением себе равных. Эволюция от князя Мышкина до Иудушки Головлева. Художник, способный к высоким прозрениям, и человек, порой разменивающий себя на мелочь. Глупый и мудрый. Расчетливый и почти безумный в игре безумия. “Это даже не талант, — сказал о нем Михаил Ромм. — Это инстинкт”. О да! Инстинкт потрясающий, безошибочный. Знал, когда отступить нужно и когда в атаку... Невероятный Иннокентий Михайлович!

После съемок на озвучании он заметил:

— А вы так и не сделали по-моему, не послушались...

Я улыбнулся:

— По-своему сделал, как мог, но по-своему...

Из книги “Против кого дружим?”, готовящейся в издательстве “Алгоритм”.

